

колепные, сильные и слово оживляющие фигуры», по выражению Ломоносова (Л., VII, 266). Радищев как бы выступает со своей речью о Петре, продолжая тему Ломоносова и в то же время полемизируя с ним. Особое внимание писателя, очевидно, привлекла заключительная часть ломоносовского «Слова похвального». «С кем сравню Великого Государя?», — спрашивает оратор, развивая свою мысль в развернутом ответе: «Я вижу в древности и в новых временах Обладателей, великими названных. И правда, пред другими велики. Однако пред Петром малы» (Л., VIII, 611). Ломоносов перечисляет заслуги и добродетели разных государей, чтобы подчеркнуть превосходство Петра, который уподобляется в конце концов божеству. «За великие к отечеству заслуги назван Он Отцем Отечества, — продолжает Ломоносов. — Однако мал ему титул. Скажите, как Его назовем за то, что Он родил Дщерь всемилостивейшую, Государыню нашу?» (Л., VIII, 611). Таким образом, превознося Петра, оратор очень искусно переходит к традиционной славословию царствующего дома.

Радищев отчасти повторяет Ломоносова: «Петр по общему признанию наречен Великим, а Сенатом — Отцем Отечества. Но за что он может Великим назваться» (I, 150). Далее следует перечень правителей, которые «изступили из числа людей обыкновенных услугами к Отечеству». Однако в отличие от своего предшественника Радищев использует это сопоставление совершенно по-другому. Он замечает, что упомянутых им властителей «ласкательство великими называет», в то время как Петр «мертв, а мертвому льстити невозможно!» (I, 151). Выделение Петра из ряда других государей происходит не по количественному принципу, как у Ломоносова (Петр сделал больше, чем все другие), а по качественному: посмертная слава Петра — доказательство его истинного величия. Верный своим радикальным убеждениям, Радищев завершает свое сочинение не хвалой «преемнице престола», а совершенно противоречащим ломоносовской концовке смелым заявлением о том, что нет примера, «чтобы Царь упустил добровольно что либо из своей власти, седей на Престоле» (I, 151).

Так же, как и в других сочинениях Радищева, в «Путешествии» можно выделить и речи персонажей, и ораторские страницы, написанные от лица автора.

Самый принцип включения речей в рамки повествовательного произведения был не нов. В частности, этот прием был применен в романе Ж. Террассона «Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя египетского», переведенного Д. И. Фонвизиним. В оригинальном творчестве Фонвизина, в его драматургии этот прием получил дальнейшее применение.

Остановившись на жанре путешествия, Радищев самостоятельно решал композиционно-стилистические проблемы, связанные с введением ораторской прозы в ткань повествования. Стремясь охватить самые разнообразные сферы общественной жизни,